

В дверь негромко, но настойчиво постучали. Сквозь сон не понял: это было на самом деле или мне приснилось. Прислушался. На крыльце осторожно скрипнула половица, и все смолкло.

Я взглянул на будильник, стоявший у книг на стеллажах, убедился, что ночь только заканчивается. Ранний сумрак заполнял комнату сероватым неясным светом. В этом свете оструганные темно-медовые плоскости старых бревен угадывались чернеющими трещинами-разрывами.

Вновь засыпая, ослабленным сознанием я еще успел подумать: «Кто бы это мог быть?» И тут же самому себе ответил: «Володя».

По деликатности стука, по уважительным к покою хозяев осторожным шагам на чужом для раннего гостя крыльце это мог быть не иначе, как он.

Только в деревне у меня получается так долго и безмятежно спать. Никакие посторонние звуки не доносятся с улицы. Лишь крик соседского петуха проникает непрошеным гостем куда-то вглубь сознания и там затухает, теряет силу, умолкает, не нарушая глубокого сна. Потому всякий день мы встаем поздно. По деревенской классификации нам одна оценка: «лежебоки».

Этот день ничем от предыдущих не отличался, и потому только к десяти часам утра я увидел на крыльце в чашке пяток куриных яиц.

Ну, конечно, их оставил Володя. Встав спозаранку, чтобы идти пешком в совхозный гараж (там работал стропальщиком), он успел проверить тайком от старушки-матери, что за ночь снесли куры, и обнаруженное оставил у нас в надежде, что позже за приношение удастся опохмелиться.

Когда у меня в доме была водка, я без всяких подношений наливал Володе половину стакана: меру свою он знал и за один раз больше не выпивал. В то же время Володя считал, что задарма водку ему никто наливать не обязан (это было его принципом, если хотите — сохранением чувства собственного достоинства: мол, ничем я не хуже вас, но уж так получается, что обращаюсь по надобности, и не за подающим, а на принципах

взаимовыгодного обмена), и потому тоже пытался чем-нибудь отдариться: обрезной доской, привезенной тайком с местной лесопилки; десятком всегда нужных в хозяйстве больших гвоздей; срубленной недалеко от дороги крепкой жердиной...

Каждый раз от его приношений я отказывался, ругался (так, для остротки, но осторожно, чтобы ненароком не оскорбить искренних Володиных чувств), бывало, что и стыдил, но он находил способ тихонечко свою поклажу оставить на ступеньках бани, что стояла через дорогу от дома, у забора палисадника — в саду под старыми яблонями. Я находил эти «закладки» довольно продолжительное время спустя, когда возратить их уже не было никакой возможности — только на себя наводить гнев его родственников: старшей сестры и матери, которые оставались в полном и непреклонном убеждении, что все соседи и знакомые только и думают, как бы спотить их брата и сына, а заодно выманивают у него всякую необходимую в хозяйстве вещь.

На этот раз Володя принес свой «подарок» впрок. Значит, вечером зайдет выпить положенную порцию водки.

Я позвал жену, показал стоявшую на лавке миску. Невольно вздохнув и сокрушенно покачав головой, жена озабоченно сказала:

— У нас у самих полный холодильник, только из города всего привезли.

— Пойдете с девчонками пить козье молоко, вот и отдадите бабушке.

Жена, соглашаясь, кивнула, хотя предстоящая передача законной хозяйке тайком принесенных нам яиц, снесенных ею лелеянными курицами, могла иметь для нас определенные последствия.

Дело в том, что мать Володи, добрая и трудолюбивая не по годам женщина, единственная на всю нашу дачную деревню держала козу. В качестве профилактики от простудных заболеваний моя супруга решила поить малолетних дочерей козьим молоком. Договорившись с недалекой соседкой, двор которой всего через дом по порядку, она каждый вечер, когда пасущуюся невдалеке на привязи животинку приводили к ее хозяйке, забирала девчонок и шла в ближайший конец деревни. Хозяйка, только подоив рогатую своевольницу (норов у козы был тот еще: то умудрится вырвать колышек, к которому привязывалась удерживающая ее веревка, и убежать; то вот не гуляется ей на лужку, залезет в придорожные кусты и там запутается), тут же процеживала через марлю и наливала молоко в кружки детям, и те еще теплым его выпивали.

Предстоящая процедура передачи незаконно изъятых из хозяйства ее сыном пяти куриных яиц могла нарушить все нами ранее достигнутые договоренности. Но уж тут как получится.

3

По своему рождению Володя не местный. Жизнь его помотала по необъятным просторам Советского Союза — от Средней полосы России до Камчатки. Была у Володи и семья — жена, дочь. Но это все осталось в каком-то далеком и неясном, за чередой многих прожитых лет, прошлом. Сам он только раз с горечью об этом вспомнил, как о чем-то почти невероятном и малореальном. Развела, раскидала их судьба в разные стороны раз и навсегда, чтобы не соединить уже никогда.

Невысокого роста, худощавый, с прореженными временем, высвеченными до пепельной серости волосами на голове, с перебитым и после неровно сросшимся носом, что придавало его лицу некоторую несурзность и даже комичность, Володя производил впечатление человека пьющего, утомленного жизненным неблагополучием. Но и в облике его, и в выражении лица было много добродушия, незлобivosti, мягкости, в хорошем смысле этого слова — простоты. Потому и называли его все, несмотря на, в общем-то, солидный возраст, без затей: словно был Володя ровня как старожилам нашей деревни, так и подросткам.

Деревенской работой Володя занимался с понуканием. Изначально он не был к ней приучен, и потому только упреки матери да увещевания, взывание к совести, угрозы сестры могли заставить его выйти на усадебный участок с лопатой вскопать

грядки или с мотыгой окучивать картошку. Однако стоило надзору чуть-чуть ослабнуть, как Володя испарялся, исчезал из огорода, с усада, со двора, и после найти его можно было, только приложив немалые усилия, затаившимся в гостях у кого-то из своих знакомых-субутыльников.

Вольная душа была у Володи, не терпящая привязанности к земле или дому. Была у этого человека и одна удивительная, мало свойственная обыкновенному деревенскому люду черта: он знал и любил стихи Сергея Есенина. Кое-что из сочинений поэта, несмотря на тяжелые удары по памяти большей частью дешевого и некачественного алкоголя, он до сих пор помнил наизусть.

Неведомыми для меня путями как-то проведая, Володя однажды, возвращаясь с работы (традиционно в подвыпившем состоянии), подошел, я косил траву напротив своего дома, и с чувством, проникновенно, словно открывая нечто потаенное, давно хранимую тайну, признался, что очень меня уважает. Я был тронут словами соседа, а он прочитал мне наизусть стихотворение русского поэта:

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.*

И вздохнув, махнув рукой, не читая последующих строк, завершил:

*Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.*

Володя повел рукой в сторону поля.

*Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

4

При всей вольности своего характера, Володя все-таки был человеком хозяйственным. Хоть упрекали его родные за леность, мне все-таки стоит отметить, что в этих упреках далеко не все было справедливо.

Я уже упоминал, что он работал в совхозе за несколько километров от нашей деревни. Часть пути, преодолеваемого Володей ежедневно, проходила через лес. И в каком бы он ни был состоянии, все равно тащил на плече срубленную жердь, засохшую лесину. Все принесенное устанавливал в виде пирамиды возле бани. Со временем эта пирамида многократно разрасталась как в ширину, так и в высоту.

— Зачем ты все это таскаешь? — как-то пожалев его труды, казавшиеся мне бессмысленными, спросил я у Володи.

— Хорошими покупными дровами летом печь топить не будешь. А нужно и для скотины приготовить, и для птицы, и постирать в печке-прачке, подтопок растопить, чтобы в сырую погоду избу согреть. Вот этот бросовый сухостой и пойдет в дело.

Объяснял все это Володя, стоя у своего дровяного сарая, под завязку набитого заготовленными хорошими сухими колотыми дровами. Вообще нравилось ему иметь дело с лесом. С огородом — нет.

За то время, что я его знал, у Володи прожили свой век две собачки: обе маленькие, черненькие, лаючие, если подойти к его дому, тем более к калитке. Тут возму-

цению собак не было предела: до хрипоты, до крайнего звериного озлобления, до вздыбливания шерсти на невзрачных, коротких загривках. Кто их этому учил — сказать трудно. Не верится, чтобы подобную воспитательную работу проводил сам хозяин. В то же время, когда сами свободно бегали по деревне, это были обыкновенные, добродушные, беспородные дворняжки: в меру трусливые, в меру заискивающие, в меру жуликоватые.

Первой была у Володи сучка Жучка. Прожив сполна весь свой собачий век, она умерла, и была зарыта в землю на краю картофельного сада скорбящим по ней хозяином. Второй щенок, что принес Володя на свой двор, оказался кобельком. В память о своей любимице и преданном друге и новой собаке Володя дал похожую с прежней кличку — Жучок.

Жучку ненадолго, но все-таки пришлось пережить своего хозяина. Так уж угодно было распорядиться неведомой для нас собачьей судьбе. Ну да об этом речь еще впереди.

5

Зимой в нашей деревне одно время оставались жилыми всего два дома: один — первый от дороги с начала порядка; другой — в самом конце его у леса.

Когда я только купил здесь дом, были и еще постоянные жители, но довольно быстро деревня осиротела. Дорогу к ней стало замечать снегом, и если браконьеры-лесорубы не тащили на тракторах из леса свою незаконную добычу, то она и вовсе напоминала нетронутую целину. И тогда жизнь в наших краях сразу дичала. С остальным миром ее соединяла только с большим трудом набитая малым числом жителей тропинка до совхоза. Там работал магазин, была почта и, какая-никакая, власть. В деревне же жизнь настораживалась от полной оторванности и беззащитности.

Одинокая старушка, жившая в начале деревни, каждый месяц, во время получения пенсии, подвергалась ограблению местными пьяницами. Они приходили из совхоза, требовали денег, грозили, и бедная женщина все им отдавала. Боясь мести, она не смела на злодеев заявить в милицию. Да и где они — защитники? Далеко. А лихим людям — что стоило сжечь хозяйку вместе с домом, коровой и прочим хозяйством — пустяк, только спичку поднести к стожку сена, что высился у двора под старой, неизвестно какой век стоящей ветлой.

Когда был жив ее муж, местный лесник, поговаривали, что мужик резкий, норовистый, властолюбивый, втихую приторговывающий государственным достоянием, так кто бы ее посмел тронуть. А теперь, как сухая травинка в занесенном снегом просторе, — кто хочет, тот и ломает, затопчет, в поле от этого ничего не изменится.

К дому Володи злые люди подходили ли, нет ли, я не знаю — об этом ничего слышно не было.

Раз по какой-то срочной надобности я приезжал в свой дом поздней осенью, в самый предзимок, на легковом «Москвиче». В народе эту машину называли «каблучком» за своеобразную форму небольшого грузового фургончика вместо пассажирского салона. Дорогу заморозило, будто асфальтом покрыло, потому добрались мы с шофером до дома без проблем. Гляжу, бежит ко мне Володя.

— Выручай, привозил из совхоза козла для своей козы. Теперь его нужно вернуть хозяевам, а я с ним управиться не могу — сильный, рогами бьется.

Что делать? Решили помочь соседу.

— Только придется тебе вместе с козлом в фургончике ехать. Другого места в машине нет.

Володя с радостью согласился. Убежал. Вскорости тащит на веревке упирающегося здоровенного козла с закрученными к спине рогами. С великим трудом погрузили этого невероятно вонючего зверя в фургончик. Следом уселся Володя. Довезли мы их до совхоза. Володя повел сдавать козла хозяевам, как полностью и добросовестно выполнившего свое дело по увеличению козьего поголовья.

Позже, уже весной, вновь приехав в деревню, я узнал, что Володя в этот день получил травму головы — то ли сам разбил ее, ударившись о батарею отопления в одном из подъездов жилого дома (спускался со второго этажа на первый и на лестничном пролете не удержал равновесия, упал), то ли кто его неосторожно толкнул — это так и осталось невыясненным. Понятно, что был Володя сильно пьян, потому и не мог ничего толком вспомнить. Не хотелось думать, что кто-то сознательно, по злобе, его, незащитного, жестоко избил. Хотя в пьяном неразумении, запальчивости чего только ни случается.

6

Лечился Володя в городе, в хорошей больнице, где сестра его работала медсестрой. Поплакала перед начальством, договорилась с врачами, и брата из района перевезли в областной центр. Закончилось дело оформлением преждевременной пенсии по инвалидности, чему Володя был несказанно рад. Теперь выплаты оказались выше, чем его зарплата в совхозе, к тому же и работать больше было не нужно.

Всем известна поговорка: беда одна не ходит. Так и тут — вскорости тихо и незаметно умерла у Володи мать-старушка. И остался над ним лишь один контроль — сестра, которая далеко, в городе.

Летом-то еще куда ни шло. Каждые выходные слышен был в нашем конце деревни ее громкий распорядительный голос. При ней не побалуешь. К тому же спирт для успокоения души и плоти страждущего она непременно привозила и братца, под строгим контролем выпиваемой нормы, угощала — как же: ведь родная кровь, хоть и безалаберный, а тоже жалко, хочется побаловать. К тому же начали мучить Володю сильные головные боли, а когда выпьет чего, так вроде полегче. А вот зимой, долгими покинутыми одинокими днями, когда понимается, что спасение от тоски и ночных страхов только в одном — в вине? Как тут быть, как прожить?

Да тут и сосед внезапно объявился. Еще одного неисправимого пьяницу спроводили из города жить в деревню. Вроде бы как дом сторожить от лихих людей, а на самом деле хоть немного отдохнуть от его бесконечных загулов, дебошей и требований денег на выпивку. Вот на пару с этим соседом, мужичком шkodливym, в мелочах хитроватым, Володя и стал подворовывать: то в своей деревне, то в соседних. Немного, так только, чтобы на выпивку хватало. О закуске речи не шло — сосед хоть и алкоголик, но и заядлый грибник, за лето при любых погодных обстоятельствах успевал этого добра заготовить впрок: и засолить, и засушить.

По весне вернувшиеся в деревенские дома дачники замечали незначительные пропажи в своем хозяйстве, расстраивались, сокрушенно передавали друг другу недобрые вести (у кого лист фанеры пропал, приготовленный для ремонта веранды, у кого набор инструментов, у кого переносной насос воду из речки для полива качать), да и забывали об этом в наступивших хлопотах борьбы за урожай нового дачного сезона.

Кто мог быть причастен к случившимся пропажам, некоторые догадывались, между собой нет-нет да шушукались, но прямо подозреваемым в лихоимстве соседям обвинения не предъявляли. Неловко как-то: живем рядом, в одной деревне, на одном порядке. А вдруг подозрения несправедливы — ведь за руку никто не пойман. Мучайся потом, прячь глаза при встрече, если подозрения не подтвердятся. Да и не так уж жалко пропажу — по большому-то счету. Обидно только, оскорбительно.

Деревня наша небольшая, так ее еще и неглубокий болотистый овражек разделяет ровно наполовину — с одной стороны остается восемь домов, с другой — девять. Когда-то домов было больше, но, оставленные хозяевами (одни переехали в благоустроенные многоквартирные дома в совхоз, другие подались в город, на заводы, учебу — да так там и осели, обзавелись семьями), они постепенно хирели, крыши у них проваливались, дворы разрушались и теперь на их месте пустыри, заросшие крапивой да дикой злой травой в человеческий рост.

Если в эти пустыри углубиться, непременно ноги побьешь о догнивающие, хао-

тически упавшие бревна былых срубов. Вот туда никто и не ходит. Но напоминает мне вид этих пустырей человеческие судьбы. Вот так же выстраиваются они в хлопотах и заботах о пропитании, довольствии, удобствах, нацеленностью на далекое будущее (ведь ради этого неясного будущего все и создается, столько трудов и сил полагается), а приходит срок, и...

Так незаметно, исподволь пришел к Володе и его срок.

7

В тот год я работал в городе, далеко от родных мест, и потому в деревню наезжал редко. Да и вовсе, если быть точным, в ней не бывал. Лишь раз, под осень, в конце августа, заглянул туда проведать свой сиротливо стоящий с закрытыми окнами дом. Тогда и узнал неожиданную новость о Володе.

Как-то прошедшим летом, абсолютно трезвый, он всех удивил. Ни с того, ни с сего пошел по домам нашей деревни, и везде каялся в том, у кого что подворовал. Всех обошел, перед всеми повинулся. Люди только руками на него махали: нашел что вспоминать, мы уж про это давно забыли. Никто на Володю не держал зла. Хотя тут, конечно, в этих словах полной правды не было: пропажа забывалась, ее со временем становилось не жалко, а вот нанесенное воровством оскорбление — помнится долго.

В общем, дивились люди такому необычному поступку, успокаивали непутевого соседа, как могли, у кого насколько хватало сердца. Ну вот разве в том, в чем каялся Володя, он и был только виноват, а другого никакого зла за ним не числилось, никто ничего худого вспомнить не мог.

А на следующее утро облетела деревню ошеломляющая всех весть: ночью Володя помер!

8

На этом можно было бы и закончить мне свой рассказ, если бы не еще один эпизод, свидетелем которого я был.

Осиротела без Володи наша деревня. Вроде бы какая-то особенная душа ушла из нее, что-то необъяснимое, словами не передаваемое, изменилось, потухло в ней. Никто больше рано утром не стучал к нам в дверь, не приходил к нам с просьбой опохмелиться днем. Не выбегал с радостным лаем на середину улицы Жучок, встречая возвращающегося с работы, пошатывающегося от выпитого за день вина, хозяина: не крутился песик у его ног, задрав крючком несуразный, лохматый хвост.

Не первым Володя был человеком, который при мне в деревне покинул этот мир, но первым, о котором сердце мое испытало скорбь — настоящую, не случайную. Особенно, когда узнал о последнем покаянно-прощальном дне его жизни. Видимо, что-то было открыто Володе, раз так смело пошел он «в народ» исповедоваться.

Сиротой остался и преданный ему пес. Летом Жучку жилось как обычно сытно, а вот что делать зимой?

Договорилась медсестра с последней постоянной жительницей деревни, чтобы Жучок перезимовал с ней. Сама еженедельно из города возила кобельку еду, оставляла ее у пожилой хозяйки: та ежедневно по необходимости выдавала прибегающему от своего двора к ее дому песику дневную норму. Вовсе от своего двора Жучок уходить не хотел. К дому у дороги приходил только ради еды, а к ночи по им же набеганной узкой тропинке возвращался обратно в свою конуру, смастеренную и заботливо утепленную еще Володей.

К тому времени и моя работа в дальнем сибирском городе закончилась, я возвратился в родные места.

Начало декабря выдалось морозным, но малоснежным, и я, истосковавшись по тишине, по свежему лесному морозному воздуху, решил на два дня уехать в свою деревню.

Тишиной покинутого людьми места встретила меня знакомая улица. Это пространство на земле уже окончательно было оставлено жителями до следующей весны.

Я вынул из машины сумку с припасами, открыл дом, вошел под его крышу. В снях холодно, неудобно. Особый нежилой запах говорил о том, что давно хозяева не появлялись в этом жилище. Дом — как живое существо: он и скучает без людей, и томится, и стареет, дряхлеет раньше времени. Тогда и появляется в нем этот старческий запах.

Но зато как он оживает, стоит открыть его двери, отдернуть с окон занавески, впустив во внутреннее бревенчатое пространство дневной свет — даже такой тусклый, замирающий, потухающе закатный, тот особый свет окончания дня, который только и бывает во время бесприютной русской зимы.

Первым делом принес дрова, затопил печь в первой комнате (вторую решил не открывать и печь в ней не затапливать — тяжело сразу обогреть весь дом), сходил к роднику за водой.

И тут у крыльца увидел маленького, серенького полосатого котенка. Малыш призывно мяукал, похоже, что просил есть, но в руки не дался. Почти сразу он убежал к соседнему дому, спрятался там под крыльцо. Я наломал ему разной еды на бумажную тарелочку (кусочки сыра, колбасы, ветчины), поставил ее к лазу под крыльцо, туда, куда спрятался котенок.

Пока дом обогревался и впитывал в себя уют электрического света, пока пощелкивание и потрескивание в печи поленьев и свист закипающего чайника наполняли его пространство ожившими звуками, я еще несколько раз выходил в морозную ночь, звал к себе котенка (жалко было оставлять его на морозе, хотел забрать в тепло), но он так и не показался.

Поздно поужинав, при лунном свете я прошел нашей улицей к покрытому льдом, слегка запорошенному снегом озеру. Постоял на плотине, слушая, как в ночи падает вода в обледенелый черный зев колодца водосброса.

Первобытная, космическая тишина окружала меня. Ни звука вокруг, и только холодный, тягучий зов замерзающей стекающей воды под безжизненным лунным светом. Уже тогда я подумал, что запомню эту ночь на всю свою оставшуюся жизнь.

На следующий день мне нужно было возвращаться домой. Котенка я решил забрать с собой, но с сожалением увидел, что ничего из оставленного мною для него он не съел.

Укладывая вещи в машину, увидел, как по узкой замерзшей тропинке торопится на край деревни Жучок. Пробежит несколько метров и встает, оглядывается, словно кого-то поджидает. Затем опять то же самое.

Я сел в машину, выехал на дорогу с нашего конца деревни и поехал в объезд. Напрямую не позволял проехать овражек.

Дорогу снегом еще не завалило, и заледенелая примороженная корка на ней громко хрустела, ломаясь под шинами. Когда машина поравнялась с крайним домом у дороги, и я прощаясь взглянул на деревню, то с изумлением увидел, как Жучек ведет за собой к единственно оставшемуся жилому дому котенка. Пройдет немного по тропинке, и, остановившись, оглядываясь, дожидается неспешно прыгающего за ним котенка.

Увиденное настолько поразило меня, что я подумал: «Это Володина душа, вместе с Жучком спасает только народившуюся кошачью жизнь».

Никого больше в этом белом замороженном пространстве не оставалось. Только одинокая старушка, осиротевший пес и бесприютный котенок. И над ними тусклое, размытое, замерзающее зимнее солнце России.

